

«Зачем?»

«Шестьсот и семьдесят семь лет и триста шестьдесят четыре дня назад ты тайно покинула Сад Сотни Растений, чтобы встретиться со мной и моим младшим братом. В то время ты заявила, что ты совершишь, если мы поможем Императору Сяню взойти на трон. Две сотни и четырнадцать лет и шестьдесят девять дней назад глазная болезнь Императора Сяня увеличилась в серьезности и он был лишен зрения, так что он решил, что ты будешь представлять его в корректировке и критике мемориалов императору. Когда меня и моего младшего брата спросили насчет возражений, ты сказала, что это будет лишь временно. Этот временный период уже продлился двести и четырнадцать лет и шестьдесят девять дней. Двадцать лет назад, до того, как Император Сянь вернулся к морю звезд, ты сказала Императору Сяню, что удержишь имперский двор в течение одного года, а затем вернешь имперский трон клану Чэнь, но...»

«Ты хочешь сказать, что Мы должны были исполнить наше обещание, данное тогда, и передать имперский трон... одному из этих кусков мусора?»

Божественная императрица Тяньхай взглянула на пятнадцать имперских повозок, которые уже въехали в столицу, и на принцев Имперского клана Чэнь в этих повозках. На ее лице появилась презрительная улыбка.

«Это очень хорошая причина. Действие ради так называемых обычных людей кажется более важным, чем обещание любого человека, и ты также говоришь, что должна учитывать продолжительное существование клана Тяньхай».

Даосист стоял в дожде и смотрел на Мавзолей Книг, спокойно говоря: «Двадцать лет назад можно было использовать эти причины, но не сейчас, потому что я уже решил их за тебя».

Божественная Императрица отвела свой взгляд от сцен на экране света, говоря: «Тогда, с твоей точки зрения, кому Мы должны передать трон?»

Даосист был на экране, наиболее вероятно, он был на какой-то улице в южной части города, но он также был где-то еще в то же самое время.

Ни один человек не мог быть уверен в его истинном месте нахождения, потому что вовсе не было гарантировано, что у него существовало истинное расположение. Он был подобен ласточке в дожде, на вид он был внутри дождя, но, возможно, и над ним.

Он сказал: «Имперский трон Великой Чжоу должен быть передан единственному сыну между тобой, Императрицей, и Императором Сянем».

Чэнь Чаншэн был прямо за Божественной Императрицей, но она не развернулась, безразлично говоря: «Передать его этому ребенку, который вот-вот умрет?»

«У Императора Сяня было много сыновей, но, Императрица, у тебя лишь один, и он - верный и неизбежный Наследный Принц. В его теле течет кровь Имперского клана, а также кровь клана Тяньхай. Когда он взойдет на трон, он, естественно, будет заботиться о семье матери. Если он унаследует имперский трон, у Имперского клана не будет возражений, как и у клана Тяньхай. Разве это не просто идеально?»

Даосист продолжил: «Слияние севера и юга уже достигло успеха, и существование Династии

Великой Чжоу на много поколений уже подтверждено, единственное оставшееся дело - это сложение полномочий Императрицы, ничего более».

‘Сложение полномочий, ничего более’ было лишь тремя словами, и ничем более.

Превосходным ‘ничего более’.

Божественная Императрица тихо смотрел на Даосиста в дожде.

Даосист просто стоял в дожде. Он сказал все, что хотел сказать, так что он более не говорил, и разговор между ними двумя наиболее вероятно был услышан всем континентом.

Божественная Императрица по какой-то причине вдруг начала смеяться, это был невероятно жизнерадостный смех, но переполненный насмешкой.

«Со времени два года назад, когда ты прислал его в столицу, и до сейчас, ты, казалось, всегда делал одну вещь, заставляя Нас видеть его».

Чэнь Чаншэн сидел на земле, глядя на ее высокую и величественную спину. Услышав ее слова, он осознал, что они действительно были правдой.

Независимо от того, будь это помолвка с поместьем Божественного Генерала Востока, новая жизнь Ортодоксальной Академии, Фестиваль Плюща или объявление на Божественном Проспекте, все многие события, которые случились в тот период времени, теперь, казалось, были сделаны ради того, чтобы он быстро созрел, одновременно с этим помещая его под взор Божественной Императрицы.

Многие дела были продвинуты Архиепископом Мэй Лиша, но за ним стояла фигура этого Даосиста.

«При виде его возникнет любопытство, необходимость расследования, подозрение».

Божественная Императрица Тяньхай держала руки за спиной, глядя на Даосиста в дожде, медленно говоря покрытому дождем миру: «Он просто как незрелый фрукт, выращенный и лелеемый многими из вас, а затем оставленный Нам, чтобы увидеть его, пока наконец он не созреет и не начнет источать свой аромат. Каждый, кто почувствует этот аромат, будет переполнен желанием съесть его».

«Для этого всего мира это наиболее заманчивый фрукт, и это тем более касается Нас».

Тяньхай повернула голову, чтобы взглянуть на Чэнь Чаншэна, а затем сказала: «Это результат, наиболее удовлетворительный для цикла Небесного Дао, это идеальное заключение этого набора причин и последствий».

Она повернулась, чтобы взглянуть на весь мир в дожде, и в уголке ее губ танцевала насмешливая улыбка: «Но... Мы просто не будем есть».

Весь мир молчал. В Мавзолее Книг и столице лишь был слышен звук ударов дождя по земле.

Она продолжила: «Этот фрукт долголетия, возможно, может сделать из смертного бессмертного, но, предположительно, он лишь может принести мне ущерб».

Наконец, у нее был взгляд сожаления, она вздохнула, говоря: «Бессмертный даровал мне фрукт долголетия... к сожалению, никто из вас не бессмертный, вы лишь люди, ничего более».

Люди, ничего более.

Ничего более.

.....

.....

В Божественном Королевстве был сад, и в этом саду было дерево, и на этом дереве висел фрукт.

Этот фрукт содержал безграничное количество жизненной силы. Съев его, можно превзойти смертный мир, получив невообразимый духовный опыт и выгоду.

Это была легенда, легенда Континента Священного Света.

Люди этого мира, вероятно, никогда не слышали о нем ранее, но он слышал.

У ручья, монах, который прибыл издалека, медленно поднял голову к далекой столице, его ясные глаза были окрашены мрачностью.

.....

.....

Даосист стоял среди дождя, все еще очень спокойно, но его истинные чувства были загадкой.

Окружающая улица была очень тихой. В невероятно темной ночи люди все еще спали. Лишь он бодрствовал, но был ли он в ясном сознании?

Он возник из пустого воздуха дождливой ночи. С того момента, как он вышел, ни одна капля дождя не могла пасть на его робу даосиста, но в этот миг несколько капель воды появилось на его волосах, блестящих и ясных.

Да, этот фрукт долголетия был планом, ловушкой.

Кроме Канона Текучего Запада, скрытого за всем этим делом, в нем не было ничего заумного. План был очень простым, вовсе не сложным.

Когда он начал разрабатывать эту ловушку двадцать лет назад, он очень ясно понимал это.

Эта ловушка никогда не была слишком сложной, так как включала в себя тайны Небесного Дао. Более того, чем более сложной была ловушка, тем проще для нее было привлечь бдительность Тяньхай и других подобных фигур.

Но он верил, что кроме нескольких богов на том далеком континенте ни один человек не сможет увидеть проблем с этим фруктом долголетия, даже Тяньхай.

И он также верил, что этот фрукт долголетия представлял наиболее неудержимое побуждение для любого человека, особенно для Тяньхай.

Это была смертельная ловушка в согласии с Небесным Дао. Не было ни одной причины для ее провала.

Но Тяньхай не попала в эту ловушку.

Она не видела проблем с фруктом долголетия, она лишь действовала согласно своей воле.

Хотела ли она съесть этот фрукт долголетия? Конечно.

Однако, она очень хорошо понимала, что эти люди потратили огромное количество энергии и двадцать лет времени, чтобы прислать его к ней. На поверхности они использовали Канон Текучего Запада, чтобы срезать его возраст на три года, не желая, чтобы она узнала, кем он был, но как эти люди могли не знать, что она определенно узнает, кем он был? Так что эти люди в точности хотели, чтобы она съела его.

Весь мир тихо ждал, пока она съест его.

Весь мир был готов увидеть, как она съест своего сына.

Так что она просто не стала есть.

Даже если в этом фрукте совсем не было проблем, даже если съедение этого фрукта действительно могло позволить ей сломать дерево жизни и смерти и достичь истинной стадии Великого Освобождения, она все равно не ела его.

Не из бдительности или предусмотрительности, а из преданности к собственной воле.

Она была собственной волей.

Ее воля была такой, что если весь мир хотел, чтобы она сделала что-то, она абсолютно не станет делать этого.

.....

.....

За старым храмом деревни Синин.

Монах смутно понял что-то и немного повернул голову, глядя вверх по потоку.

Ночь была темной, и в удаленной деревне не были зажжены лампы. Все было кромешно черным.

Однако, в его глазах окружающая местность была ясной, как днем. Он мог видеть рыбу, тихо плавающую в каменных расщелинах, мог видеть, как лепесток постепенно уплывает с потоком.

Когда лепесток подплыл к его голым ногам, он медленно развернулся.

Он улыбнулся и вздохнул.

Он немного грустил, но не был разочарован.

.....

.....

«Возможно, долголетие, возможно, постепенное погружение в бездну - это авантюра. Не

съесть его не значит, что твой взгляд может видеть сквозь верховное Небесное Дао, это лишь говорит о том, что ты боишься его».

Даосист в дожде не чувствовал разочарования, потому что все только началось.

Он продолжил: «Ты знаешь, что это ловушка Небесного Дао. Твой противник - не я, а Небесное Дао, так что ты даже не смеешь выходить на сцену».

Когда она услышала это, брови Божественной Императрицы немного приподнялись, как Феникс, который собирался взлететь.

«Так как ты боишься Небесного Дао, как ты можешь не бояться отдачи Небесного Дао?»

Даосист спокойно сказал ей: «Не забывай, что, когда ты совершила кровавую клятву звездному небу, я тоже был там».

«Даже если Небесное Дао опустится, тем, кто умрет, все еще будет он».

Божественная Императрица спокойно продолжила: «Мы будем лично смотреть, как он умирает, убеждаясь, что не произойдет ничего необычного».

Даосист вздохнул: «Как и ожидалось, ты все еще самый бессердечный человек в мире».

Божественная Императрица ответила: «То же самое могу сказать и про тебя».

Двое говорили, как будто стояли прямо перед друг другом, но они в действительности были разделены несколькими десятками ли, а временами даже чувствовалось, как будто несколькими тысячами ли.

Потому что расположение Даосиста в этом мире все еще было иллюзорным и эфирным, его невозможно было определить.

Чэнь Чаншэн тоже не знал свое положение в этом мире.

Он однажды верил, что был молодым даосистом из старого храма Деревни Синин, студентом своего учителя, но сейчас он осознал, что был не более, чем фруктом.

Если его съесть, он будет иметь какую-то цену. Если же нет, то его можно игнорировать, и лишь ждать, пока он полностью созреет, упадет и превратится в кашу.

Он был единственным сыном Божественной Императрицы Тяньхай, но она так спокойно смотрела, как он умирает.

Логически говоря, два человека, проводивших этот разговор перед целым миром, должны были быть двумя людьми, к которым он был наиболее близок.

Одна из них была его матерью, а другой был учителем, который воспитал из него мужчину.

Но когда они говорили, они даже не взглянули на него.

Если говорить о бессердечности, то кто когда-либо чувствовал ее более живо, глубоко, чем он сегодня?

Это безразличное, грустное и немного смешное чувство - что это было за чувство?

Оно пронизывало его до костей.

Боль, подобная чему-то, пронизывающему его до костей, вырвалась из каждой части его тела в короткий промежуток времени.

Иглы в его шее разлетелись с маленькими хлопками, глубоко пронзая каменную плитку.

Его кровь, содержащая безграничную энергию, текла между его внутренними органами, как бушующий потоп.

Остаточное истинное ци его разорванных меридианах рассеивалось, непрерывно проникая в его кости и плоть.

На его внутренних органах начала появляться паутина трещин.

Его лицо было бледным.

Он был в ужасной боли.

Он умирал.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/179373>